

Лита Штайн

Байки Дыма

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лита Штайн

Байки Дыма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50306831

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06459-1

Аннотация

Над барной стойкой вьется сигаретный дым, окутывая собой десятки чужих невыдуманных историй... А вокруг живет своей иррациональной жизнью Чернобыльская зона отчуждения, воплощенный ад на земле. В Зоне всякое может быть. И именно Зона со всей своей непредсказуемостью дает возможность посмотреть на себя изнутри. Человечная Белая, циничный Хохот, капризная Динка попадают в Зону по совершенно разным причинам и, оказавшись втянутыми в водоворот событий, с неожиданных сторон узнают себя и ищут ответ на вопрос, кто такой Дым. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Надежда	4
Динка	10
Просить для других	15
А(но)малия	20
Динкина исповедь	25
Плач Зоны	38
А(но)малия. Часть вторая	44
Гуманисты	50
Контролер	54
Сокол	59
Художник	65
Расскажи мне сказку	71
Расскажи мне сказку. Часть 2	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Надежда

– Видишь монстру – прикидывайся мертвым. Десантник наш это всем новичкам говорит. И лыбится так по-простому, по-доброму.

Только вот не у всех получается. У него получается, у других через раз.

– А как у него так получается? – Новичок истории бывалых про десантника Андрюху слушал с видимым интересом.

– Так и получается. Он же не только на словах десантник. До Зоны в десанте служил. Сначала срочку, потом по контракту. Научили его там всякому. Сердце, например, оставив на время. Так он с этим умением от монстры-то и спасается. Была у него с самого начала такая теория, что мутанты сердцебиение чувствуют. И ведь работает теория-то!

– Бреешь, поди, – отмахнулся новичок.

– Да вот те крест! Кого хочешь спроси! Вся Зона знает, что никакая монстра десантника Андрюху не трогает. Поговаривали, будто заговоренный он. Да кто ж тут в заговоры-то поверит? А может, дело в том, что Андрюха со странностями.

– С какими такими странностями?

– Да глаза у него разного цвета. Один карий, второй зеленый. А такие люди, брат, всегда со странностями.

Новичок оглянулся, бывалые сталкеры согласно закивали,

подтверждая слова рассказчика.

– А чего он с новичками-то возится?

– Да вот кто ж его знает? – пожимает плечами рассказчик. – Говорит, в Зоне только на взаимовыручке да надежде выжить и можно. Гуманист, одним словом. Хороший мужик, умный. Скольких он наших спас, не пересчитать. И ведь все его уважают. И бандиты, и долговцы. Даже с Монолитом у него разногласий нет. А уж новички-то и вовсе на него молиться готовы.

– Чего ж ему, такому гуманисту, за кордоном не жилось? – не унимался новичок.

– Хороший вопрос, брат. Видать, того же, чего и всем остальным. У него за кордоном не жизнь была, а сказка. После армии бизнес начал строить, дела в гору пошли. Квартира большая, ездил на этом... как там его... Гелентвагене. Девки сами на шею вешались. Да вот черт его дернул в Зону податься.

Никто ж толком не знает, чего он сюда пришел. Говорит, смысла в жизни за кордоном не было. Можно подумать, здесь ему много смысла.

А вообще, сдается мне, что есть у Андрюхи свои причины в Зоне околачиваться. И не смысл жизни он тут ищет, а что-то такое, о чем говорить не хочется. Тут же каждый второй такой, со своими тайнами. Кто людей искать пришел нужных, кому денег подавай и впечатлений целый мешок, кого заманили, а кого и шантажом прийти заставили. Может, и у

него так. Вот ты сам-то какими судьбами к нам?

Новичок потупился, прикидывая, стоит ли рассказывать, что привело его в Зону.

– Человека ищу, – наконец ответил он. – Как и многие тут. Есть у меня... свои секреты.

– Да и пусть будут, – махнул рукой рассказчик. – За язык никто тянуть не станет. Захочешь, сам поделишься. А не захочешь, так тому и быть. Но, раз пришел человека искать, то сначала Андрюху и ищи. Он таким, как ты, завсегда помочь готовый.

– Где искать-то его? Зона ведь большая, – рассуждал новичок, обводя глазами бар.

– А вон пускай Сокол тебя проводит. Они с Андрюхой связь завсегда поддерживают. Уж он-то должен знать, где искать.

– Почему Сокол? – поинтересовался новичок, разглядывая сталкера в дальнем углу бара.

– Да потому, что он хоть и потерял глаз, а с двухсот метров спокойно отстрелит тебе башку, – вполголоса поделился рассказчик и тут же крикнул: – Эй, Сокол, проводишь новенького? Уж больно человеку не терпится.

* * *

– И что, неужели не врет рассказчик? – не унимался новичок, топая вслед за проводником. – Вот прям никакие му-

танты не трогают?

– Дым-то, конечно, брехло знатное, – вздохнул сталкер, – но про Андрюху правду говорит.

– Дымом потому и прозвали, что говорит много? – про-
явил чудеса догадливости новичок.

Сокол кивнул.

Говорливость паренька за все время пути начинала выво-
дить его из себя. Было в молодом сталкере что-то, чего Со-
кол никак не мог понять и объяснить даже себе.

– Как звать-то тебя, молодо-зелено? – поинтересовался
он.

– Так Андрюхой тоже, – охотно отозвался новичок. – Тез-
ка я этому вашему десантнику.

– Тезка, значит... – хмыкнул Сокол и замолчал.

* * *

– Долго нам еще?

– Холм видишь? Нам туда.

– Вижу, – кивнул отмычка. – Только не похоже, чтоб там
хоть какие-то признаки жизни были.

– Поднимемся, поймешь, – отозвался Сокол.

На холме одиноко возвышался криво сколоченный крест.
На табличке аккуратными буквами было выведено «Андрей
Надеждин. Хороший сталкер и надежный друг».

– Это как же это? – растерялся новичок. – Это же?

– Это же, – мрачно кивнул Сокол.

– Так его ж никакая монстра того...

– А ни при чем тут монстра, Андрюха. Оно ведь как бывает, вот есть человек, и вдруг нет его.

Он к вольным в лагерь пошел по своим каким-то делам. Да где стоял, там и помер. От лагеря вольных до ученых недалеко, они и принесли тело Андрюхино, чтоб причину смерти узнать.

– А ученые что?

– Сердце, говорят, остановилось. Просто раз, и все. Теперь и прикидываться не надо, никакая монстра не страшна. Так что, Андрюха, нет в Зоне ни надежды, ни взаимовыручки. – Сокол умолк, думая о чем-то своем.

– Не прав ты, Ваня, – подал голос новичок. – Ох, как не прав. Надежда в Зоне всегда имеется. В достаточном для всех количестве.

– Ты откуда...

– Да я про тебя, брат, многое знаю, – опережая вопрос, ответил отмычка, смеясь одними глазами.

Одним карим, другим зеленым...

– Надежда, Ваня, есть всегда. Но если видишь монстру, прикинься мертвым, – со смехом закончил он и растаял в воздухе.

* * *

Много слухов ходило о странном новичке. И много было вопросов.

Но Сокол на расспросы лишь посмеивался и твердил, что надежда всегда имеется. В достаточном для всех количестве.

Динка

– Что, Малой, грусть-тоска тебя заела, иль думы какие мучают?

Молоденький сталкер в Зоне появился совсем недавно. За присущую ему какую-то совершенно детскую наивность прозвали его Малым.

– Думаю я, Дым, – отозвался он. – Мне в центр Зоны надо, к Монолиту.

– Это, брат, всем здесь надо, – хмыкнул Дым. – Кому из праздного любопытства или из научного интереса, а кому и с корыстными целями. Где ж ты видел сталкера, которому не надо?

– Да ты не понимаешь! – Малой досадливо махнул рукой. – Мне ж не просто так. Не баловства ради.

В голосе его сквозила гремучая смесь надежды с отчаянием.

– Так ты Динку сходи поищи, – хохотнул кто-то, – коли не баловства ради. Авось, поможет.

– Какую Динку? – насторожился Малой, высматривая говорившего. – И чем она мне поможет?

– Уймись ты, молодо-зелено. Динка – это миф и сказочки. – Говоривший горько усмехнулся. – Эй, Дым! Расскажи дитяти сказку, у тебя ж хорошо получается, душевно.

Малой вспыхнул, но промолчал.

– Динка, брат, это целая история, – начал рассказывать Дым. – Чего только про нее не болтают. Сталкеры – народ на всю голову сказочный, сам видишь. Вот и придумывают себе всякое, чтоб интереснее жилось. Можно подумать, им суровых здешних реалий мало.

Особливо одаренные предполагали даже, что Динка прямо в Зоне родилась. Дитя Зоны и все такое прочее. Мол, притащилась сюда ее мамаша с туманными весьма целями. А оказалось, что пришла, будучи беременной. И якобы прямо тут и родила девочку.

Только чушь это все собачья.

Динку совсем девчонкой притащили в Зону бандиты. В сугубо личных, так сказать, интересах. Лет шестнадцать ей было от силы, ребенок еще неразумный.

Измывались они над ней, что наука над мутантами. И насиловали ее все, кому не лень, били. Держали, как животное, в клетке. Да и относились как к животному.

Долго Динка терпела, с год почти. А потом сбежала. Как умудрилась, никто не знает. И пошла напрямиком к Монолиту. Только чудом по пути не сгинула. Адепты, говорят, как девчонку увидели, так от удивления и пропустили, лишних вопросов не задавая. Интересно им стало, дойдет ли и что из этого получится. Только это чушь все. Не видали ее монолитовцы, она какими-то окольными путями к центру Зоны выбралась. Умудрилась даже под Выжигатель не попасть.

И знаешь, брат, все у Динки получилось. Если можно это так назвать.

Вернулась она из центра сама не своя. И притащила совершенно необычную способность с мутантами ладить. Ее и кровососы, и снорки с химерой слушаются. Она будто бы даже с контролером договориться может.

Долго потом блуждала она по Зоне, как неприкаянная. Да и осела где-то в болотах. Подальше от нашей настырной братии. Сказки это или нет, да только всех, кто Динку обижал, мутанты пожрали. Поодиночке или группами, но всех.

Ученые к ней отправляли группу, было дело. Из всей группы вернулись с болот двое. Один на голову повернутый, второй – седой, как лунь и до сих пор заикается. Двух слов толком связать не может, да про дела экспедиции не очень-то охотно распространяется.

Много тут шастает отчаянных и храбрецов, кто в болото суется, чтоб Динку найти. Говорят, ежели ты Динке понравилась, она тебе дорогу к Саркофагу укажет и поможет в меру своих возможностей. Только вот немного совсем таких, кто ей понравился. Не любит она людей, ей с мутантами проще и понятнее. Тех, кто зло какое с собой несет, она и в болоте утопить может.

Впрочем, тех, кто просто мимо идет и никакого корыстного интереса за душой не имеет, Динка не трогает. Разве что путает иногда из чистого баловства, заставляет ходить кругами, пока самой не надоест. Но потом отпускает с ми-

ром. Ни к чему ей простых сталкеров гробить за просто так.

– Хорошо рассказываешь, Дым. Складно, – подал голос сталкер, который первым заикнулся про Динку. – Только все равно миф это. Нет на болоте никакой Динки. Да и не было ее никогда. А что бандитов мутанты пожрали, так это у нас норма. Любого пожрать могут в самый ненужный момент.

А ученые говорят, в аномалию угодили, вот и кончилась вся их экспедиция.

– Миф или нет, – покачал головой Дым, – а мне врать ни к чему. Говорю, что знаю. Остальное уж каждый сам себе придумает.

* * *

Наутро Малой топтался на пороге бара, будто бы не решаясь зайти.

– Что мнешься в дверях, молодежь? Сквозняк только разводишь, – окликнул его Дым. – Говори уже, с чем пожаловал, не тяни.

– Я это... попрощаться пришел, – промямлил Малой. – На болота пойду, Дым. Авось повезет. Мне терять особо нечего, а вот причина, чтоб пути к Монолиту искать, имеется.

– Вот чудак человек, – фыркнул Дым. – Чего ж прощаться-то притащился? Иди уже себе спокойно в свое болото. Да слушай по сторонам внимательно. Где птиц услышишь – там и ищи. Но я тебе этого не говорил.

Малой понятливо кивнул, подхватил рюкзак, закинул на плечо автомат и, махнув рукой, направился в сторону горизонта...

Просить для других

– Здорово, Дым!

В вечерней тишине возглас Малого прозвучал, как гром среди ясного неба. Но Дым виду не подал.

– Ты хоть спишь когда-нибудь? – усаживаясь на колченогий табурет, полюбопытствовал Малой.

– Поспишь тут с вами, как же, – улыбнулся Дым. – Вернулся, значит. Даже живой, как я погляжу. Поумнел что ли или нашел, чего искал?

– Не согласишься, нашел.

– Так рассказывай, – потребовал Дым. – Ты ж знаешь, я тебя без хорошей истории живым отсюда не выпущу.

– Я, Дым, от тебя когда уходил, всё думал, правду ты мне сказал про Динку или приврал для красного словца. Репутации трепла за тобой, вроде, не водится. Но сомнения, сам знаешь. Сложно поверить, будто в Зоне малолетка без подготовки и посторонней помощи выжила.

В общем, пошел я к науке. Прояснить, так сказать, вопрос.

Ученые меня поначалу на смех подняли. Мол, наслушался Дымовских баек, поверил, дурачок.

Да видать, судьба была на моей стороне. Столкнулся я с тем зайкой, который в экспедицию на болота ходил. Поведал ему свою историю. Он-то мне твои слова и подтвердил. Мол,

действительно Динка совсем не миф, не сказочки для отмычек. Предостерегал все, мол, сожрут меня Динкины монстры, даже потрохов не оставят. Хоронить будет нечего.

Только мне к тому моменту терять было нечего. Последняя моя была надежда, что дойду до Монолита. Не за себя просить, но за сокровенное.

Договорился я в итоге с учеными, подкалымил малость на благо развития науки. Поняли они, что переубедить меня не получится, да и предложили посильную помощь и карту болот, а я им по возвращении все возможные сведения, артефакты и всё интересное, что найду. На том и порешили.

Паршивое место – болота. Такое паршивое, что от страха кишки в один большой ледяной комок слипаются. Тоскливо там, хоть сразу на тот свет просись. Долго я там блуждал, притерпелся даже к этому ощущению.

И знаешь, когда уже почти разуверился, что найду...

Выбрал я на тропинку почти неприметную, да и пошел по ней. Иду и слышу – птица где-то в кустах щебечет. Слова твои сразу вспомнились. Пошел в ту сторону. А птиц-то вокруг все больше, все громче гомонят. Знаешь, будто опасность предсказывают для незадачливого путника. Думал уже, в аномалию какую хитрую попаду...

В общем, нашел я Динку, Дым. Хорошая она, только странная. Да от нее, по большому счету, другого-то и не ждешь. Не станет ни один... нормальный человек на Болотах селиться и с мутантами якшаться.

Рассказал я ей все, как на духу. Кто такой, зачем пожаловал, чего ищущи и о чем просить задумал. Слушала она меня внимательно, а после по голове погладила так, по-матерински. И сказала, чтоб шел, куда задумал. Мол, я удачливый, меня дорога сама выведет. А Динка, мол, приглядит, чтоб дошел без вреда.

И ведь приглядела, Дым. Я пока из болот выбирался, видел пару раз, как за мной снорки шастают. Но держатся поодаль, будто наблюдают. Думаю, не просто ж так они за мной увязались.

Малой немного помолчал, думая о чем-то своем.

– Получилось у меня, Дым. Может, правда удачливый. Но без Динкиной помощи все равно б не справился.

– Неужели и до Монолита дошел? – поинтересовался Дым.

– Дошел. И обратно, как видишь, тоже, – кивнул Малой. – И почти всю дорогу за мной монстра по пятам ходила. Вели меня, значит, через Зону по Динкиному указу. Наверное. И ей потом докладывали. Мол, дошел, жив.

Дым слушал внимательно, но что-то в рассказе Малого никак не вязалось.

– А с наукой как же?

– За науку я у Динки разрешения спросил. А она мне ответила, что рассказать могу то, что посчитаю нужным. Ну, я и зашел к ним на обратном пути. Карту болот дополнить малость, про некоторые тропы рассказать, барахло кое-какое

скинуть. Но про Динку рассказывать не стал. Некрасиво это было бы. Она мне помощь – а я про нее на весь белый свет трезвонить буду? Нет уж. Перебьется наука, от них не убудет.

– Гляжу я, повзрослел ты, парень, – ухмыльнулся Дым. – Это хорошо. Это тебе теперь жить поможет.

Помолчали.

– Куда теперь-то путь держать собираешься? – спросил Дым.

– Домой. Ждут меня там.

– А ежели Зона тебя не выпустит?

– Выпустит, – улыбнулся Малой. – Мне Динка обещала. И нет у меня оснований ее обещанию не верить.

– Хорошо, коли так. А о чем просил-то хоть, коли даже болотная наша девочка тебе помогать взялась?

Малой помолчал, словно взвешивая все «за» и «против».

– У меня там, дома, мать умирала, – тихо сказал он. – Диагноз ей поставили... Врачи только руками разводили.

Все я перепробовал, Дым. А когда надежды совсем никакой не осталось, наказал сестре с матерью оставаться, а сам сюда пошел. Не за себя просить, а за нее.

– Молодец ты, парень. – Дым похлопал сталкера по плечу. – А теперь собирайся да мотай отсюда, герой. Тебя ж дома небось заждались.

– Заждались, – кивнул Малой и начал собирать свои пожитки. – Да и я по ним страсть как соскучился. Теперь только успеть бы.

Уже стоя на пороге, он обернулся.

– Дым, а ты откуда про Динку знаешь? – спросил он.

– А как ты думаешь, почему сюда монстра не ходит? – хитро сощурился Дым.

Малой улыбнулся и вышел.

* * *

Пару месяцев спустя залетный сталкер передал Дыму конверт. В письме было всего две строчки.

«Все у нас получилось, Дым. Спасибо тебе и Динке».

С вложенной в конверт фотографии счастливо улыбалась красивая, но худая после перенесенной болезни женщина, молоденькая девчушка с озорными глазами и окончательно повзрослевший Малой.

А(но)малия

– Что, красавица, пригорюнилась?

– Дым, отстань. – Сталкерша махнула рукой, будто назойливую муху от себя отгоняла.

– И чего вас всех, героинь печального образа, в Зону-то тянет? – не унимался Дым. – Медом тут, вроде, не мазано. Мужиками земля и за кордоном не бедствует. Так нет же, несет вас нелегкая к черту на рога да мутантам на радость. Вот ты чего сюда притащилась?

– Сам знаешь! – огрызнулась сталкерша. – Дура была, вот и притащилась.

Дым знал.

Белая пришла в Зону года четыре тому назад. К кордону подходила жгучая брюнетка, а за кордон попала уже с проседью в волосах. О причинах никогда не рассказывала, да и не спрашивал особо никто. Так и прозвали ее – Белой.

Что искала Белая, никто толком не знал. Включая ее саму. Поначалу говорила, будто до Монолита шла, счастья кланчить. А много позднее поделилась с Дымом, что и сама не знала, зачем шла. Мол, екнуло что-то внутри, вот и подалась в Зону. Да так здесь и осталась.

– Можно подумать, сейчас ты, Белая, сильно умная стала, раз сидишь тут с грустной рожей, – вздохнул Дым. – Будешь

много печалиться, аномалией станешь.

– Какой еще аномалией? – лениво поинтересовалась сталкерша.

– Да знамо дело, какой, – ухмыльнулся бармен. – Была тут одна, задолго до тебя. Краси-и-и-и-вая! Волосы русые, нос курносый. Это у тебя глаза голубые, как незабудки. А у нее были синие-синие, точно васильки. Да имя у ней было интересное – Амалия. За вздорный характер мужики ее и прозвали Амалия-аномалия.

Тоже ведь дура была. Бегала все по Зоне, как неприкаянная, благоверного своего искала. Он за кордоном, значит, пропал бесследно, а Амалии письмо пришло, мол, ищи своего Славика в Зоне. Вот и притащилась она, прям как ты, с видом печальным и возвышенным. Носилась тут со своим письмом, замучились ее из переделок вытаскивать.

Шутили мы всё над ней. Мол, завелась у нас еще одна блуждающая пси-аномалия повышенной опасности.

– И что? – Белая внезапно оживилась и историю слушала с явным интересом.

– Что-что. Дошутились, блядь, накликали. Сгинула девка. Как и почему, никто не знает. Да не просто сгинула, а стала самой настоящей аномалией. Говорят, других женщин, коли такие попадают, не трогает. Видать, солидарность женскую проявляет. Но уж коль попадет ей мужик, тут уж сразу пиши пропало. Такая, рассказывают, рядом с ней тоска накрывает, что словами не передать. Кто-то сразу стреляется, кто-

то с катушек едет и живет потом недолго. В Зоне ведь, сама знаешь, с подвинутой крышей долго не протянешь.

Хотя, все мы тут немного того...

– Знаю, – улыбнулась Белая. – Особенно ты у нас, Дым, того. Горазд врать, ничего не скажешь.

– Чего ж врать-то сразу? – возмутился бармен. – Не раз и не два видали в Зоне нашу Амалию-аномалию. Она, стерва, много хороших ребят загубила.

– Где ж ее видели? – с наигранным безразличием спросила Белая.

– Да у границы Рыжего леса все больше. Предположительно, там-то она и сгинула. Может, под Выжигатель попала или еще чего, а после... Черт знает, что там произошло. Но видали ее и в других местах. Байка ходит среди сталкеров, что забрела она однажды к бандитам в лагерь, да весь лагерь за раз и угробила.

– Добрая, видно, при жизни была барышня, – съязвила женщина.

– Да не скажи. Коли ее не трогать, не девка была, а золото... – Дым внезапно осекся. – А ты с какой стати заинтересовалась вдруг? Неужто чего удумала?

Белая, казалось, блуждала где-то в глубинах собственных мыслей.

– Посмотреть на нее хочу, – наконец отозвалась она. – На эту вашу Амалию. Уж больно интересно. К тому же, сам сказал, она женщин не трогает. Или приврал для красного слов-

ца?

– Зачем сразу приврал? Ее Мороша видела, когда по поручениям от науки бегала. И ничего, живая вон. До сих пор по Зоне шастает и горя не знает, барахло таскает на Янтарь.

* * *

– Слыхал последнюю новость, Дым? Говорят, Амалия нашу Белую загубила, стерва.

– Да не бреши ты! – фыркнул Дым, презрительно косясь на вернувшегося из рейда сталкера. – Вот если б наоборот, я б еще поверил.

– Зря смеешься, Дым, – мрачно отозвался недавно прибывший долговец. – Про вспышку возле базы нашей слыхал?

– Как же не слышать, коли вся Зона только об этом и треплется?

– Так вот я тебе расскажу от первого, так сказать, лица.

После Выброса занесла к нам нелегкая еще и Амалию. Только мы носы-то высунули, а она уж тут как тут.

Бродила вокруг базы, но близко не подходила. Будто ждала чего. Да мужики, кто повпечатлительней, все равно с ума сходить потихоньку начали. Даром, что поодаль тварь эта шастала, да все равно цепляет от нее, хоть волком вой.

Долго она поблизости околачивалась. Нам двоих связать пришлось, чтоб не пострелялись. А тут, как на беду, Белая со стороны леса вышла.

– А дальше-то? Дальше что? – чуть не подпрыгивая от нетерпения, спросил Дым.

– Встретились они, близко так. Вот как мы с тобой сейчас. Да и застыли обе, будто разговаривают. И так вдруг паршиво стало вокруг, что жить перехотелось сразу и окончательно, а пулю в голову уже никаких сил нет, как парализовало всех.

Стояли они так, стояли. Потом Белая в сторону дернулась... А дальше вспышка, как при взрыве. И пропали обе.

У нас, пока они там стояли, трое окачурились. Видать, так их, бедолаг, чужой тоской прижало, что не выдержали.

Но, мы как оклемались, ходили Белую искать. Все окрестности излазили, на своей территории каждый закоулочек, каждую трещину прочесали вдоль и поперек.

Только ни тела, ни вещей каких так и не нашли...

Динкина исповедь

Дым ждал и перетрясал припасы. Знал, что ближе к ночи будут внезапные гости. И гости совсем непростые. А непростых гостей и побаловать не грех, так он рассуждал, борясь с желанием выглянуть за дверь. Слишком уж не терпелось...

* * *

– Я уж думал, не явишься, – не оборачиваясь, хмыкнул Дым. – Что, скучно тебе стало в болоте сидеть безвылазно?

– И тебе привет, дядь Дым. Можно подумать, ты чуял, что я приду.

– А я вас всех чую, да еще похлеще твоих подопечных. С моей чуйкой, деточка, никакая собака не сравнится, – улыбнулся Дым. – Или не веришь?

– Верю, – кивнула Динка, усаживаясь на табурет. – А в болоте скучно быть не может, дядь. Я по другим причинам пришла.

– Ну, рассказывай про свои причины. А то гляжу я, ты сама не своя, – заметил бармен, заваривая чай.

По бару, перемешиваясь с табачным дымом, распространился запах шиповника, от которого в глубине души становилось уютнее.

– Ух ты! Дефицит! – восхитилась Динка, втягивая носом воздух. – В Зоне же нормального чая днем с огнем не сыщешь.

– Кому не сыщешь, а у кого в друзьях хорошие люди имеются, – пожал плечами Дым. – У меня и не такие радости в запасах водятся, уж поверь. А для хорошего гостя и дефицита не жалко. Только ты от темы-то не уходи. Рассказывай, что тебя с болот выдернуло?

Динка, казалось, замялась под пристальным взглядом.

– Дядь Дым, ты про Шального слышал? – осторожно поинтересовалась она.

Бармен кивнул, внимательно разглядывая девушку. Невысокая и очень худая, Динка походила на девочку-подростка. А привычка в моменты задумчивости накручивать на палец прядь длинных темных волос лишь усиливала это сходство. Но во взгляде серых Динкиных глаз скрывалось нечто, от чего становилось не по себе даже опытным, прожженным сталкером. Весь пережитый опыт, все ужасы и испытания, что выпали на ее долю... и что-то совершенно нечеловеческое, что позволяло ей находить контакт с мутантами, выживать на болотах и морочить сталкеров, отражали ее глаза.

– Как тут не слышать, если вся Зона только о том и гудит, – проворчал Дым, ставя перед гостьей стакан с чаем. – Его, вроде, бандиты для какого-то дела интересного наняли, а он возьми и крышей повредись, так сказать, при исполнении. А ведь матерый был мужик. Мог, говорят, хоть снарка

привести на веревочке, хоть артефакт достать из самой ж... глуши. Один из самых лучших наемников в Зоне был. А за кордон отправили трясущееся, мямлящее нечто без признаков разума. Тяжелый, однако, случай, – подытожил он. – Интересно мне знать, что такого должно было случиться, чтобы так поломать человека?

– Так ведь это я его, дядь! – выпалила Динка и... заревела.

За годы, проведенные в Зоне, Дым научился почти ничему не удивляться. Но внезапное признание и Динкины слезы убедили его в том, что умение свое он постиг не в совершенстве.

– Как это ты его? – спросил он, когда девчонка немного успокоилась.

– Да вот так! – всхлипывая, пыталась объяснить она. – Его бандиты не просто так наняли, а чтоб меня с болот достать и обратно к ним отправить. Я же им, как рыба кость в горле! Потому что сбежала и потому, что с мутантами управляться могу. Вот они и ищут способы меня вернуть. Считают своей законной собственностью!

Динка разрыдалась с новой силой.

Дым ласково погладил ее по голове.

– Ты успокойся да расскажи по порядку. Самой же легче будет, как выговоришься.

Дождавшись, когда рыдания утихнут, Дым высыпал перед девчонкой горсть конфет.

– Ничего себе! – Динка улыбнулась. – Дядь Дым, ты меня

балуешь.

– А что еще с тобой прикажешь делать? Не каждый день у меня тут, знаешь ли, барышни слезы льют. Но, раз успокоилась, давай мне свою историю про то, как маленькая девочка большого дядю-наемника доконала.

Динка вздохнула, но начала рассказывать:

– Он когда только на болота пришел, я на него особо внимания не обращала. Бродит очередной залетный, мне-то какая разница? Пусть себе бродит спокойно, чай сам уберется подобру-поздорову. А он упрямый оказался, как настоящий баран. Под каждый куст заглядывает, каждую кочку вдоль и поперек рассматривает, ищет упорно так.

Мне интересно стало, что ж он такое ищет-то? Да и пошла я к нему на встречу. Только чувствую, намерения у него совсем недобрые. Ты ж, дядь, сам знаешь, я видеть-то вижу, а объяснить не могу. Знаю просто и все тут.

Перехватила я его на тропе, спросила, какого лешего ему тут надо. А он и говорит, мол, бандиты тебя обратно требуют и, если сама не пойду, то силком утащит. И никакие мутанты не помогут. Ему, дескать, уже заплатили, поэтому дело делать надо.

Пробовала я с ним поговорить, даже подкупить пыталась. Да только ему-то плевать, что со мной будет. Он свое получил, а дальше хоть трава не расти. И знаешь, дядь, я как вспомнила, что у бандитов со мной творилось... каждую эту сволочь бездушную, каждую рожу. Разозлилась так, что в

глазах потемнело.

Давай, говорю, попробуй меня отсюда вытащить, если жить надоело. Только он дурак оказался, не понял, что я тоже шутки шутить не буду.

Динка замолчала, сосредоточившись на конфетах.

– А дальше что? Не тяни.

– А дальше...

Есть на дальнем краю болота местечко, там домик стоит. Может, сторожка была или еще черт знает что. Загнала я его туда кровососами и начала голову ему морочить на чем свет стоит. То воспоминаний своих ему подкину про время у бандитов, то травить начинаю мутантами, как зверя в норе. Подпушу совсем близко, но убить не даю.

Меня так еще до Зоны урод один пугал из братков. Заходил в комнату с собакой своей огромной на поводке, да поводок приспускал.

Собака рычит, рвется, когтями скребет по полу. А я в угол забьюсь от страха и молюсь, чтобы поводок этот проклятый выдержал. Или чтоб не выдержал, и загрызла меня эта тварь, лишь бы только не бояться больше, не видеть их обоих. А браток смотрит на это все и ржет, как больной. Весело ему было, видишь ли.

Мне однажды так страшно стало, что в голове помутилось, да я и врезала его собаке по морде, что есть сил... За это-то меня в Зону и спровадили. Мол, уму-разуму учить в суровых условиях. Чтобы шелковая была и послушная.

Динка всхлипнула, но сдержалась, чтобы снова не зареветь.

– А здесь еще хуже стало, чем за кордоном. Чего только они со мной не делали. Вот я и припомнила все, что только можно, да и втемяшила ему в голову, чтоб знал. Ты ж знаешь, дядь Дым, я такое могу. Как-то у меня получается.

Все я ему показала, до мельчайших подробностей. Но не сразу, а постепенно, чтоб подольше мучился.

Поначалу он сопротивлялся, как мог. Сильный мужик оказался, действительно упрямый. Надолго его хватило. А потом сдавать начал потихоньку, проняло его наконец.

А у меня к тому моменту уже настоящий азарт возник. Поломать его, раздавить, все мозги ему в кашу размазать. До такого его довести, чтоб сам сдохнуть захотел, но уже не мог даже попытаться. Чтобы он скулил в углу и от каждого шороха вздрагивал. Чтоб на своей шкуре прочувствовал, каково это. За каждую сволочь хотела на нем отыгаться по полной.

В общем, сломался он, не выдержал. Поломать-то каждого можно, было бы только желание.

А у меня такое желание было, дядь, что самой страшно стало. Смотрела я на то, как он мучается и ржала, как тот браток... прям вот в кайф мне было видеть, как живой, разумный человек в тупое безвольное мясо превращается.

Потом надоело мне, да я и вышвырнула его к чертям с болот.

А вот дальше... Поняла я, дядь, что сама стала, как все

эти нелюди. Что думаю и действую, как они. И прям упиваюсь этим. Так тошно от себя стало, противно. Пришла к тому, от чего бежала. Я потому и притащилась к тебе, дядь, – закончила Динка и опять разревелась.

– Во дела, – вздохнул Дым. – Ты, выходит, ко мне каяться пришла?

Девчонка кивнула, тыльной стороной ладони вытирая слезы.

– Я когда поняла, что как они становлюсь, всю душу себе наизнанку вывернула, – всхлипывая, заговорила она: – Так паршиво стало, дядь, что места не находила себе во всем болоте. Это ж получается, что я ничуть не лучше всех братков, которые со мной так.

– Признайся, страшно тебе стало, когда Шальной про возвращение к бандитам заговорил? – спросил Дым.

– Очень, – кивнула Динка.

– Вот именно. А от страха, девочка, люди и пострашнее вещи вытворяют. Потому что жить хочется. Своя шкура всем дорога и инстинкт самосохранения никто не отменял.

Странный ты, конечно, способ выбрала защищаться, ничего не скажешь. Но ведь поняла теперь, что не стоит палку перегибать. А раз поняла, значит, не все еще потеряно, Дин. Ты ж давно уже за себя постоять можешь, так что нет тебе нужды бояться, что обратно тебя кто-то силком затащит. У тебя охрана такая, что бандиты от зависти давятся, вот и рыпаются без конца. Да только ты плюнь на них и живи себе

спокойно. Большая уже девочка, должна понимать, что без твоего желания больше ни одна скотина в Зоне тебя не тронет.

– Наверное, ты прав, дядь, – согласилась она и зевнула.

– Так, поговорили, а теперь давай уже спать укладываться.

А то уснешь мне тут за столом, – принялся ворчать Дым.

– Да я к себе пойду. Что ты со мной, как с ребенком-то? – попыталась сопротивляться Динка.

– Так ты и есть дите малое, неразумное. В болото свое поутру пойдешь. Негоже детям за полночь по Зоне шататься. Даже с мутантами под ручку. Спальник тебе сейчас выдам, устраивайся на ночлег.

Динка поняла, что спорить бесполезно и согласно кивнула, поспешно отправляя в рот очередную конфету.

– Хороший ты, дядь Дым. Все ты понимаешь, поэтому и идут к тебе со всей Зоны сталкера со своими делами-заботами.

Дым покосился на нее и удивленно приподнял бровь.

– Ишь, разговорилась мне тут, – с улыбкой проворчал он. – Спать иди. Утром с тобой поговорим.

* * *

Поутру Динка улыбалась.

– Чего это ты такая довольная? – полюбопытствовал Дым.

– Сама не знаю, – пожала плечами девчонка. – Выспалась,

наверное. Или конфеты твои вчерашние на меня так действуют.

– Раз так, значит, будем закреплять результат, – хмыкнул Дым, выживая из закровов банку настоящего земляничного варенья. – На тебе для укрепления боевого духа. Мне давеча из-за кордона хорошие люди принесли.

– Ничего себе! Мне б таких хороших людей, дядь Дым, – обрадовалась Динка, накидываясь на угощение.

– Будут, – твердо пообещал Дым. – Ты только переставай мужиков в болоте купать и точно будут.

– А чем еще прикажешь развлекаться? – фыркнула девчонка. – Монстру в болоте купать не очень-то интересно. А эти брыкаются, брызги поднимают, матерятся витиевато. Хоть какое разнообразие.

Дым вздохнул.

– Дитё ты, Дина. Самое настоящее дитё. Никакого сладу с тобой нет. Люди, конечно, бывают падлами, но не все ж поголовно.

– Знаю. Ты мне, дядь, расскажи лучше, как мальчик тот поживает, которого ты ко мне отправил? Вернулся он домой?

– А как же? – Дым показал присланную Малым фотографию. – Вернулся, всё у него хорошо. Мать не болеет, сестра – красавица, сам доволен. Можешь ведь, когда хочешь, людям-то помогать.

– Могу. Только не всегда возникает желание. А этот хо-

роший мальчик. За маму просить пришел, переживал очень. Горько ему было от собственного бессилия. И страшно, что не успеет. Он же бескорыстно пришел, потому я ему и помогла, чем могла. А вот ты зачем ему про птиц наплел? Отродясь же никаких птиц на болотах не было.

– А вот затем, что вера человеческая, Дин, чудеса творит. Поверил парень и тебя нашел. А не поверил бы – так бы и плутал в твоей глухомани до скончания века. Или пока ты б сама к нему не пошла из любопытства. Упростил я человеку задачу.

Динка слушала, разглядывала фотографию и улыбалась каким-то своим мыслям.

– А ты бы пошла добровольно в Зону за мать просить? – спросил Дым.

– Так я ж детдомовская, дядь, – вздохнула девчонка. – Ни про мать, ни про отца вообще ничего не знаю. Знаю только, что прям в роддоме от меня отказались и все. До пятнадцати лет в детдоме проторчала, а потом сбежала. Хотела вольной жизни...

А попала к выродкам по глупости. Уши развесила, поверила обещаниям и сказочкам про сытую, красивую жизнь. Только не знала, какой ценой за эту самую «сытую жизнь» заплатить придется. Маленькая ведь была, не понимала тогда, что к чему. Да и сейчас, честно говоря, далеко не всё понимаю.

– Раз не все понимаешь, значит, есть, куда расти, – улыб-

нулся Дым.

– Дядь Дым, а если мне опять захочется кого-нибудь замучить? – Динка внезапно помрачнела.

– Не захочется. Во-первых, ты уже попробовала. Слишком много для этого в тебе человечности. А во-вторых, после Шального твое болото за версту обходить будут. Охотников добровольно попрощаться с собственной крышей в Зоне немного. Ты, можно сказать, показала уже зубы и когти. Кто с мозгами – будут уважать и считаться. А кто попроще, бояться будут и так, на расстоянии.

Ты пойми, Дин, дураки и уроды будут всегда. Нужны они миру для равновесия. Только у тебя перед ними есть преимущество.

– Какое?

– Ты договориться умеешь при большом желании. А если не получается, то и гони непрощенных гостей своими мутантами до самого кордона. Уж поверь, такой аргумент любому дураку будет понятен с первого раза.

– Конечно! – фыркнула девушка. – Пара кровососов – это весомый аргумент. И в болотах кое-что пострашнее кровососов водится.

– Вот и пользуйся этим аргументом, если есть на то реальная необходимость. А лучше оставайся здесь, к людям поближе.

Динка мотнула головой.

– Не, дядь. Мне на болотах привычнее. Да и безопаснее,

сам понимаешь. Бандиты так просто ведь не отвяжутся. Не вышло наемником меня достать, придумают еще способ. Я ж для них не человек, а что-то вроде ценного трофея. Как очень редкий артефакт. Или как большое шило в жопе. И не только для них, ведь так? Стоит мне с болот вылезти, на меня тут же бойцы "Долга" охоту начнут. И ученые заодно. А может, еще и Темные подключатся.

Дым нехотя кивнул.

– Ладно тебе, дядь, – улыбнулась Динка. – Не расстраивайся. Погоды нынче стоят отличные, до Выброса еще время есть, у меня снарки не кормлены и сталкера любопытные в болоте не мочены. Непорядок же.

– Какое же ты, Дина, дите. Вот как пить дать, самое настоящее. – Дым улыбнулся в ответ. – Иди уже на свое болото, коли тебе тут не сидится. Только ответь мне сначала, чем ты Малому помогла?

– Дорогу к Монолиту показала безопасную, – делая честные глаза, ответила девчонка.

– Дина! Ты мне лапшу-то на уши не вешай. Можно подумать, я тут первый день и не понимаю, что к чему.

– Ну ладно. К Болотному Доктору я его отвела, – призналась Динка. – Потом помогла артефакты нужные собрать. Док сказал, что диагноз вполне излечимый и сделал, что там было нужно для этого. Предупредил только, что поторопиться надо. А после я Малого к тебе сначала проводила, очень уж он попрощаться с тобой хотел, а потом к Перимет-

ру самой короткой дорогой. Даже проследила, чтобы ничего с ним не случилось.

– Сказочники малолетние, – фыркнул Дым. – Придумали тоже историю про Монолит. Малой тоже хорош. Дошел он и вернулся, как же.

– Это я про Монолит придумала, дядь, – созналась девушка. – Звучит внушительнее, чем история о том, как мы с ним на четвереньках по Зоне ползали, артефакты добывали.

– Дети, – улыбнулся бармен. – Удивительно только, как живы остались оба.

Спустя пару часов Динка вышла из бара, жизнерадостно щурясь на солнце, показавшееся в разрывах туч. Дым проводил ее долгим взглядом.

В сердце ему закралась тревога...

Плач Зоны

Короткая автоматная очередь долетела до слуха Дыма откуда-то издалека.

«Вот больные. Опять друг друга по всем кустам гоняют. Не живется же некоторым спокойно», – подумал он.

Однако, сердце у него неприятно заныло, предчувствуя беду. И тревога оказалась не напрасной...

– Дым! Беда у нас!

Сталкер по кличке Хохот ввалился в бар, распахнув дверь мощным ударом ноги. На руках он нес безвольно обмякшую Динку...

Дым вскочил, опрокидывая колченогий табурет, и молниеносно смел всё со стола.

– Живая еще? Сюда ее клади! Голову ей держи! – командовал он, разрывая на девчонке пропитавшуюся кровью куртку.

Динка открыла глаза и попыталась пошевелиться.

– Дядь Дым, я ж теперь не жилец, – прохрипела она.

– Глупости не говори! – рявкнул Дым. – Мы тебя на ноги поставим. А то как же мутанты твои без тебя? Да и сталкеров в болоте кто купать будет?

– Мутанты мои к тебе сами придут, – выдавила девчонка. – Не сразу, потом. Ты не суетись, бесполезно уже.

Дым чувствовал, как у него предательски задрожали руки.
– Болтаешь много, силы побереги.

Динка усилием воли подняла руку и погладила бармена по щеке.

– Сам ведь знаешь, что не поможет. Я с такими дырами точно не жилец.

– Дина, маленькая ты моя, потерпи чуть-чуть, – запричитал он. – Мы тебя в два счета выходим. – Голос его предательски дрогнул.

– Дядь Дым, – почти шепотом позвала девчонка: – Ты лучше Аню береги. Трудно ей сейчас...

– Какую Аню, Дин? – растерянно переспросил Дым, справившись, наконец, с плотной тканью куртки.

Но Динка уже не ответила...

А мгновение спустя по всей Зоне завыли мутанты.

Полный боли и отчаяния, протяжный и нестерпимо громкий вой в одночасье обезумевших монстров, казалось, заполнил собой все пространство вокруг.

Хохот вжал голову в плечи.

– Что это, Дым? – сдавленно спросил он.

Ему казалось, будто невыносимый этот звук выдавливает даже воздух из легких.

– Это, брат, Зона плачет, – хрипло отозвался Дым.

* * *

Хохот был циник и мародер. Многие в Зоне его не любили за скверный характер, патологическую жадность и умение делать подлянки. Озлобленный на всё и всех, он мог пристрелить за один косой взгляд.

Но что-то перевернулось в нем в тот злополучный день.

Возвращаясь с очередной своей вылазки, Хохот услышал невдалеке короткую автоматную очередь. Движимый любопытством, он направился в сторону предполагаемой «мишени».

Отыскать хрупкую фигуру в высокой траве удалось далеко не сразу.

Уже подходя совсем близко, Хохот с внезапным для себя ужасом понял, что перед ним девчонка в старой, виды видавшей армейской форме не по размеру.

Динка лежала, уткнувшись лицом в землю, и слабо шевелила руками. Хохот кинулся к ней.

«Плечо пробито, легкое и позвоночник зацепило», – отметил он, осторожно переворачивая девушку.

– Как же ты так, малая? – растерянно бубнил он. – Кто ж тебя так?

– К Дыму помоги дойти, дядь, – прохрипела Динка. – Тут недалеко.

– Знаю, знаю, – приговаривал он, бережно поднимая девчонку на руки. – Куда ж ты сама? Не дойдешь ведь. Потерпи малость, тут рядышком совсем. Дым поможет, он умеет.

– Не успеет. Там трамплин возле тропы, смотри, не

влезь, – отозвалась Динка и закрыла глаза, пытаясь сберечь остатки сил.

* * *

Шли вторые сутки с момента смерти девчонки. Все это время Дым молчал и практически не реагировал на внешний мир.

И по всей Зоне жуткий вой мутантов то и дело перемежался со звуками выстрелов, взрывами и криками сталкеров. Безумная эта какофония заставляла Хохота ежиться и передергивать плечами. Отходить далеко от бара он не решался. Задавать вопросы Дыму тоже. Всех желающих попасть в бар отваживал не грубо, но настойчиво. Понимал, что от посетителей будет только хуже.

Промаявшись наедине со своими мрачными мыслями до самого вечера, Хохот принял единственно верное решение.

Лопата и мощный фонарь нашлись у Дыма в подсобке. Не спрашивая разрешения, он взял все, что нужно, и вышел в сгущающиеся за стенами бара сумерки, искать подходящее место для могилы.

* * *

– Что ж вы меня не слушаете-то, дураки? – причитал Дым поутру. – Учишь вас, кретинов! Объясняешь без конца,

предостерегаешь. А толку никакого!

– Всех не научишь, – пробормотал Хохот, устало прислоня к стене лопату. – Ты мне лучше скажи, кто ж ее так? И за что?

– А вот ты мне и найди, кто ее так! – взревел Дым. – Живого притащишь – никакой награды не пожалею!

– Живого, так живого, – пожал плечами Хохот. – Награды свои себе оставь. Мне и самому в глаза посмотреть охота той твари, которая в спину стреляет беззащитной девчонке. Найду я тебе ту мразь, Дым. Если его мутанты за ночь не пожрали.

На мгновение бармену показалось, будто он ослышался. Отказ Хохота от награды стал для него неожиданностью, но задавать лишние вопросы не было никакого желания.

* * *

В тот же день Динку похоронили недалеко от бара. А к вечеру постепенно затихли мутанты.

– Спасибо тебе, брат, – вздохнул Дым, прилаживая над могилой грубый, сколоченный на скорую руку крест. – Я тут с катушек слетел в одиночестве. Говорил же я ей не ходить никуда. Уговаривал остаться, нашлось бы ей место в баре, и заделье бы тоже нашлось. Но нет же, она упрямая, не хуже барана. К себе, говорит, пойду, неинтересно мне тут с вами.

– Не за что спасибо, – отмахнулся Хохот. – Думаешь, я совсем не человек, коль репутация у меня паршивая? Я когда ее раненую нашел, у меня аж перевернулось все внутри. Много в Зоне подонков шляется, но чтоб так...

Найду я того, кто ее убил, Дым. Из принципа найду. Сразу убивать не буду, но покалечу знатно.

– Динка бы твоего рвения не оценила, – горько усмехнулся Дым.

– Это что ж, та самая Динка, с болот? – осторожно спросил Хохот. – Про которую болтают, что она от бандитов сбежала и с мутантами водится?

– А ты думал, просто так по ней вся Зона плакала? – вопросом на вопрос отозвался Дым...

А(но)малия. Часть вторая

Дым задумчиво смотрел в вечеряющее небо. Таких закатов, как в Зоне, он на своем веку больше не видел нигде. Редкое это явление стоило того, чтобы отложить все дела и выбраться из бара, дабы запечатлеть в памяти всполохи заходящего солнца.

Внезапно его внимание привлекло движение в кустах. Он не видел, но чувствовал, кто там есть. Ведь у хорошего сталкера чуйка, что у сторожевой собаки. А Дым считал себя хорошим сталкером, хоть и бывшим. И не напрягался.

– Здравствуй, Дым.

Голос был до боли знакомый и, в то же самое время, совершенно чужой, нечеловеческий. Звуки его как будто двоялись, словно два разных существа пытались говорить одновременно.

Бармен нарочито медленно повернулся.

– Белая, твою в гробину мать! Ты ж сгнула месяца три как!

– Может и сгнула. А может и не совсем, – хмыкнула сталкерша.

Что-то в чертах ее лица показалось Дыму странным, неестественным.

– А если выстрелить и переспросить?

– Интересный подход к делу, – рассмеялась Белая уже своим, совершенно знакомым смехом с переливами. – Лучше водки налей, стрелок хренов. Сегодня я тебе буду истории рассказывать. Не зря ж через половину Зоны до тебя тащи-лась.

– Ну, коли через половину Зоны, да еще и с историями, то можно и водки с чистой совестью, – хмыкнул Дым, пропуская Белую вперед.

Было в ней нечто такое, за что упорно цеплялся взгляд...

– Рассказывай, не тяни кота за всякое. Ему, как минимум, неприятно, – разливая водку по стаканам, потребовал он.

– Не спеши, а то успеешь, – хохотнула Белая.

Бармен непроизвольно вздрогнул. Слышал он эту фразу не раз...

– Дошло наконец? – поинтересовалась женщина, принимая из его рук стакан.

Дым кивнул.

– В общих чертах я суть понял, – нарушая затянувшееся было молчание, заговорил он. – Теперь, видишь ли, жажду подробностей и много.

– Будут тебе подробности, – пообещала Белая. – Много и красочных. Я тебе такую историю расскажу, что мало точно не покажется.

Руки ее дрожали, чего раньше за ней никогда не водилось.

– А ты это, теперь которая из двух? – осторожно поинтересовался Дым.

– Да обе сразу. Только аномалия твоя сейчас, скажем так, спит. Поэтому я – это я.

– Тут видишь, какое дело, – начала рассказывать Белая: – я же, выходит, из-за нее в Зону пришла.

Сгинуть-то Амалия сгинула, электрой ее приложило. Да только какая-то часть разума уцелела и стала этой вашей аномалией. Уж очень она не хотела умирать, Дым. За жизнь цеплялась до последнего, как могла. Дура она, конечно, была, но упрямая. И упрямство ее дало удивительный результат.

Та часть разума, которая сохранилась, нечто вроде сигнала S.O.S посылала вокруг. Этакий зов в надежде найти себе новое тело. Она потому других женщин не трогала, что искала такую, которая откликнется. А когда внутри Зоны ничего не вышло, стала свой зов направлять вовне.

А я вот, наоборот, жить перехотела в какой-то момент. Тут меня ее зов и накрыл. Не зря ж я тебе говорила, будто екнуло внутри. Да так екнуло, что никаких сил сопротивляться не было. Будто под гипнозом меня сюда притащили.

Так оно интересно получилось, что в Зону-то я попала, а что искать – не представляла совершенно. До того момента, пока ты мне про аномалию не рассказал. Тогда-то у меня второй раз и екнуло. Вот я и сорвалась чуть ли не бегом, весь Рыжий лес излазила. А встретились мы с ней в итоге у базы "Долга". И долговцы, хочу заметить, от нашей встречи были совершенно не в восторге. Попали, так сказать, под горячую руку. Ну да черт с ними.

Подробностей того, как все произошло, я тебе рассказать не могу. Сама не очень понимаю. Но я поначалу хотела было отказаться от этого сумасшествия. А потом передумала. И теперь мы – вот, обе две. – Белая устало улыбнулась.

Дым слушал и краем глаза следил за ее руками. В пальцах сталкерша вертела непонятно откуда взявшийся огрызок карандаша.

– Обе две, значит. И что ж вы дальше собираетесь делать? – спросил он, стараясь не упустить из виду ни одного движения.

Все в ней, вроде, было знакомо. Только глаза стали синие-синие, как васильки.

– Дальше...

Белая, казалось, немного замялась.

– Дальше мы на волю вернуться хотим, за Кордон. Если, конечно, Зона нас, таких интересных, отпустит.

– А чего б ей не отпустить? – хмыкнул Дым. – Вас же двое, прорветесь как-нибудь.

Когда женщина ушла, он принялся сосредоточенно изучать стол в том месте, где она водила карандашом. И к своему удивлению, нашел два слова, выведенных ровным почерком Белой.

«Нельзя. Отсюда».

***

Белая вернулась снова несколько недель спустя.

– Выглядишь так, будто за тобой стая голодных снорков по всем оврагам охотилась, – заметил Дым, разглядывая женщину.

Глаза у нее были голубые, как незабудки.

– Лучше б снорки, – вздохнула сталкерша.

– Что, Зона не отпускает? – участливо спросил он.

От его вопроса Белая вздрогнула и поморщилась.

– Нельзя ее за кордон, Дым. Никак нельзя.

– Кого из вас?

– Аномалию твою! – рявкнула сталкерша. – В прошлый раз она тебе тут красиво заливала, нечего сказать. Только нельзя ее отсюда выпускать. Недоброе она замыслила.

– Да кто ж из вас кто?

– Днем я, ночью Амалия. Иногда случается наоборот, когда у кого-то из нас силы бодаться кончаются. У нас же с ней не существование, а постоянная война. Не просто так она себе тело искала, будучи аномалией. Мстить она задумала, Дым.

– Кому мстить?

– Да всем подряд. Я ж про нее теперь почти все знаю. Письмо ее оказалось липой. И Славика своего она в Зоне так и не нашла. На этой почве ее и переклинило, мозги совсем у девки отказали. Потому-то она и сгнула так глупо. Только вот обида на весь белый свет у нее оказалась такая, что пережила ее сама.

– И что делать думаешь с аномалией этой?

– Не знаю, – пожала плечами Белая. – Пока силы есть, повоюем еще. Или я ее, или она меня. Только я ей из Зоны уйти не дам. Подыхать буду, а все равно не дам. Слово даю. Одного она не учла аномальным своим разумом. Она-то жить хочет, а я... Но зачем-то мне жить еще надо. Чувствую я, что еще не все, не конец истории.

– Не конец, значит, – задумчиво отозвался Дым. – Скажи-ка мне, Белая, тебя в миру-то как звать?

– Анькой, – удивленно отозвалась та. – Анна Сергеевна я по паспорту. А тебе-то с этого какой прок?

– Да просили, Анна Сергеевна, за тебя. Выходит, знала наша Дина, в какую жопу ты тут вляпалась по дурасти своей.

– Знала. Она много чего знала такого, о чем лучше молчать, – кивнула Белая. – Виделась я с ней, Дым. Уже после Амалии. Так что она, можно сказать, с нами обеими знакома была. Потому, наверное, и беспокоилась обо мне.

– Так ты, выходит, тоже уже в курсе?

– В курсе. – Женщина сжала кулаки. – Найду ту мразь, кто ее пострелял, вырву яйца, – пообещала она.

Дым бросил на нее косой взгляд и понял, что действительно вырвет. С нее станется.

Гуманисты

– Не верю я во всю эту вашу монстру! – хорохорился очередной новичок. – Что-то пока ничего даже близко похожего не встречал.

– Естественно не встречал, – отозвался Дым, – ты в баре сидишь безвылазно с момента прибытия. А вот как дальше сунешься, к центру Зоны, как кровосос тебе там половину жопы отгрызет, тогда-то быстро образумишься да поумнеешь в миг.

– Кровосос – это что-то вроде комара что ли?

– Конечно! – заржал Дым. – Такого комара, что никаких рук прихлопнуть не хватит.

– Неужто такой огромный?

– Да побольше тебя будет, – ответил бармен. – Ты, брат, про Зону вообще ни черта не знаешь, а всё туда же. Геройствовать тут пришел.

– Не геройствовать, а по делу, – обиженно отозвался новичок. – Вот если ты такой умный, то и расскажи мне про Зону. И про обитателей ее всяких. А то гляжу я, злые тут все. Гуманистов днем с огнем не сыщешь.

– Почему же? Хватает в Зоне и гуманистов. Болотный Доктор, например. Он и мутантов латает, и людей, если повезет договориться.

Или Белая. Она до Зоны хирургом была, многих сталкеров с того света вытащила да выходила. Хорошая барышня, отзывчивая, но характера своенравного.

А есть еще один таинственный персонаж. Его сталкера Вивисектором прозвали. Говорят, такие он вещи делать может, что только диву с него даешься. Тоже гуманист, между прочим. Спасает людей от скоропостижной и бесславной кончины, так сказать.

– Что ж он такого делает интересного? – полюбопытствовал новичок.

– Да был тут один товарищ, – начал рассказывать Дым: – Тоже по делу сюда шел, как ему думалось. А оказалось, заманили его сюда хитроумным способом злые монолитовцы да покалечили добра молодца, белу рученьку отпахали по самое не балуй. А гуманист этот маниакально настроенный, Вивисектор который, того самого молодца подлатал, да рученьку сделал не простую, а механическую. Из подножного практически барахла.

И ведь так хорошо, собака, сделал, что по функциям от родной не отличить.

Ходит теперь этот молодец, жизнью и собой вполне довольный. Тоже вон помогает всяким. Следовательно, вот тебе и еще один гуманист. А ты говоришь, нет таких.

– Откуда ж взялся этот ваш Вивисектор?

– А этого, брат, никто не знает толком. Слухи ходят всякие, байки про него рассказывают. Только правды в тех бай-

ках, сам понимаешь, ни на грош.

Новичок задумался и притих.

– Сказки это все, Дым, – выдал, наконец, он. – Тебя послушать, так вокруг одни милейшие люди, всем готовые помочь за простое человеческое «спасибо».

– Далеко не всегда за простое «спасибо», – хитро улыбнулся Дым. – Но и такие случаи попадаются.

– Все равно не верю, – уперся новичок. – Не может такого быть, чтоб живому человеку в полевых условиях целую колючку собрали из подручного материала.

– Ну, не может – так не может, – хмыкнул Дым. – Верить не заставляю. Жди уже своего проводника, скоро притащится.

***

– Да как же это? – удивлялся новичок, разглядывая руку проводника. – Быть такого не может!

– В Зоне всякое может быть, – философски отозвался проводник. – И такое, как видишь, тоже. Или ты глазам своим не доверяешь?

– Доверяю, конечно, – стушевался новичок. – Выходит, про мутантов меня Дым тоже не обманывал?

– Это как посмотреть, – заметил проводник. – Люди, брат, пострашнее всяких мутантов бывают, уж поверь.

– Верю. А как же ты живешь теперь с этой штуковиной?

– Да привык уже, – пожал плечами проводник. – Во всем можно свои положительные стороны найти, было бы желание.

– Ну, и какая в этом положительная сторона? Как оружие ее использовать что ли? – с вызовом поинтересовался новичок.

– Спину чесать удобно, – криво ухмыльнулся обладатель механической руки. – И банки с консервами открывать.

Контролер

Контролер был пьян.

Ибо на протяжении последних часов сосредоточенно занимался тем, что беспощадно уничтожал запасы водки из закромов Дыма. И говорил. Много, красочно рассказывал о Зоне, о себе и экспериментах.

А Дым подливал и внимательно слушал. Не каждый же день выпадает возможность с живым мутантом поговорить. Ведь мертвые они, как известно, не разговаривают.

***

Появление гостей Дым предчувствовал с самого раннего утра. Но даже предположить не мог, какие это будут гости...

О появлении в окрестностях бара Контролера возвестили доносящиеся с улицы вопли.

– Это что значит? – поинтересовался кто-то из присутствующих.

– Это значит, что кому-то пиздец, – фыркнул Дым.

Минут через пять дверь в бар медленно отворилась. Возникший на пороге силуэт заставил напряженно умолкнуть всех собравшихся.

– Еб твою ма-а-ать! – философски протянул Дым.

«И тебе не хворать, сталкер» – прозвучало в его голове в ответ.

Дым заинтересованно приподнял бровь, изучая гостя. Мысленный голос Контролера вызывал у него отчетливое ощущение щекотки в мозгу.

«Бить не буду» – пообещал Контролер.

– Да я б еще поглядел, кто кого, – хохотнул Дым. – Ну, проходи, коль приперся. Негоже гостям на пороге топтаться. Что, в лабораториях да бункерах совсем жрать нечего стало? Иль ты из самой Припяти к нам пожаловал? – ехидно поинтересовался он.

Контролер, к его удивлению, попытался пожать плечами.

«Водки в лабораториях и бункерах нету. В Припяти тем более. Не поверишь, даже Лиманск и «Росток» сверху до низу облазил. А водки так и не нашел».

– В смысле водки?!

«У водки один смысл, сталкер. Ее пьют» – назидательно ответил мутант. – «Там водки нет, я проверил досконально. Пришлось идти сюда. Ты бы налил гостю стакан для приличия и за знакомство».

– Да это всегда пожалуйста! – хохотнул Дым, доставая бутылку. – Как говорится, любой каприз...

«За ваши деньги» – закончил мысль Контролер. – «Это я помню еще по жизни своей человеческой. Денег у меня нет, зато есть артефакты и истории. Для оплаты будет достаточно?».

Дым кивнул, наблюдая за тем, как мутант залпом опрокидывает стакан.

– Ты рассказывай, что тебя сюда привело?

«Дым, не торопи события. Лучше еще налей, дай гостю выпить спокойно, а уж потом будем разговоры разговаривать».

– Напои, накорми да спать уложи! – расхохотался Дым, краем глаза следя за тем, как медленно выдыхают все присутствующие. В зале повисла интригующая тишина.

Контролер лихорадочно затрясся, издавая непривычный слуху звук. Не сразу бармен понял, что мутант смеется.

«Можно и так» – отсмеявшись, ответил он. – «Интересный ты человек, сталкер».

– Да ты тоже, я гляжу, совсем непростой. Что, душа просит? – сочувственно спросил Дым, кивая на стакан.

«Просит. С недавних пор даже очень настойчиво».

Бармену на мгновение показалось, что мутант вздохнул.

«Мне, видишь ли, с некоторых пор и поговорить-то не с кем стало. Ваша братия чуть что, сразу за стволы хватается без разбору и лишних вопросов. Поди ж тут объясни, что нападать не собираешься, а вот за жизнь потрещать имеешь огромное желание. Сложно говорить с человеком, который тычет в тебя стволом» – сокрушался он.

– Сложно, – задумчиво согласился Дым. – Выходит, раньше с тобой Динка разговоры разговаривала?

«Она, родимая» – кивнул Контролер. – «Давай, Дым, за

упокой ее души по одной».

Выпили. Помолчали. Дыму на ум пришли предсмертные Динкины слова: «Мутанты мои сами к тебе придут...».

– Так ты зачем пришел-то? – спросил он.

«Динка за тебя просила. Боялась, что мутанты оборзуют, да полезут, куда не просят. Переживала. Так я ей слово дал, что ни один мутант к тебе не сунется. У тебя тут, считай, неприкосновенная территория. Живи себе спокойно, коли живется, байки сталкеров слушай да ненормальных, вроде меня, иногда привечай.

Да и выпить, знаешь ли, очень уж хотелось. Вспомнить жизнь свою человечью. Когда еще случай такой доведется?».

– Так это всегда пожалуйста, – хмыкнул Дым. – Милости, как говорится, просим. Только народ в округе рожей своей не особо пугай, не поймут.

«Не поймут» – согласился Контролер. – «Я и сам знаю, что не красавец. Но соображаю недурно вполне, потому за пугливых своих не думай. Не будет им от меня никакого вреда. Разве что случайно в каких кустах столкнемся, а там уж не обессудь. Или я, или меня. Естественный отбор и все такое».

– На том и порешили, – подытожил Дым. – А теперь рассказывай. Я истории страсть как люблю, а за выпивку в баре платить полагается.

И Контролер рассказывал, не забывая с завидной методичностью опрокидывать очередной стакан.

Ближе к ночи, истребив совершенно немислимое количе-

ство водки и благополучно пройдя стадию «а ты меня уважаешь?», мутант засобирався обратно, к своим лабораториям и бункерам.

– Вот и куда ж ты пойдешь, такой красивый, да еще и на ночь глядя? – наблюдая за Контролером, полюбопытствовал Дым.

«В закат» – хмыкнул Контролер. – «Доберусь как-нибудь, не девица чай. Не оставаться же тут до утра. Посидели, поговорили, пора бы и честь знать. А то пойдут по Зоне слухи, будто ты мутантов насильно спаиваешь. Как потом будешь репутацию свою восстанавливать?».

– Ты за репутацию мою не опасайся, – отмахнулся Дым. – А коли скучно станет, заглядывай.

«Спасибо тебе, Дым» – поблагодарил Контролер, выложив перед барменом пару артефактов. – «Ты извини, что я их прям так, без должной безопасности. Но мне-то, сам понимаешь, от них вреда никакого».

– Тоже мне заботливый нашелся, – фыркнул бармен. – Не первый день в Зоне. Знаю уж, что к чему.

«Вот и славненько. Вот и хорошо» – отозвался мутант и шатающейся походкой направился к выходу.

– Ну дела-а, – протянул Дым, провожая изуродованную фигуру Контролера задумчивым взглядом.

Историй, рассказанных мутантом, хватило бы на целую энциклопедию...

Сокол

– Должен же быть у мутантов хоть какой-то интеллект, – рассуждал отмычка.

– Тю! Там того интеллекта только на инстинкты и хватает, – ответил Дым. – Сам подумай, чего может хотеть мутант? Пожрать и выжить. И убивает он исключительно ради этих целей. Разве что, химера может убить из чистого баловства, потому что скучно вдруг стало.

– Можно подумать, с людьми иначе.

– С людьми, брат, сложнее. Они ради забавы убивать могут. Или ради чувства превосходства. Значимость свою показать, утвердиться за счет окружающих. Мутанты в этом плане проще и понятнее.

– С людьми договориться можно, – пытался спорить новичок.

– Можно, да не всегда получается, – парировал Дым. – Люди хуже всяких мутантов бывают. И злее. С Изломом порой договориться проще, чем с иным человеком.

– Да почему злее-то, Дым? – распалялся несогласный отмычка.

– Сокол, расскажи дитёнку сказку, – обратился к сидящему в дальнем углу сталкеру Дым. – Про людей.

Молодой нетерпеливо оглянулся, стараясь рассмотреть

того, к кому обращался бармен. И с удивлением обнаружил, что тот одноглазый.

– Невеселая получится сказка, – хмыкнул Сокол, пересаживаясь поближе.

– Зато со счастливым концом, – вставил Дым.

– Я в Зону пришел одним куском, так сказать, – начал рассказывать Сокол: – И красоту эту заработал уже здесь. Думаешь, мутанты меня так отделали? Нет, брат, люди постарались.

– Это как же? – спросил отмычка, разглядывая шрамы на лице сталкера.

– Да вот так. Человека я искал, из бандитов. Дело у меня к нему было вполне конкретное. И попал, как видишь, по адресу. Так попал, что чудом жив остался. Не захотели со мной договариваться ни за какие коврижки, зато в оборот взяли так, что любой мутант позавидует. Любят у нас бандиты над себе подобными измываться.

Поначалу просто били, да и то играючи. А после того, как я одному молодцу башку проломил в целях самозащиты, звереть откровенно начали. Тут-то и понеслось. Четыре ребра мне сломали, суки. Руки отбили, думал, двигать не смогу. Сотрясение обеспечили, а после и до глаза дорвались.

Неприятное, скажу тебе, ощущение, когда тебе заживо лицо калечат.

А дальше я уже мало что помню. В себя приходиться начал уже здесь, у Дыма.

– А дальше я тебе расскажу, – подключился бармен. – Друг твой, Андрияха-десантник, как прознал, в какую ты переделку загремел, пошел тебя вызволять. Он-то твою шкуру у них и сторговал за некоторые услуги. У Андрияхи репутация была, сам знаешь. Потому бандиты его кинуть и не посмели. Он свои обязательства выполнил, а после тушку твою сюда приволок.

– На реставрацию, – хмыкнул Сокол.

– Практически, – кивнул Дым. – Мы уж думали, что не выходим. Места на тебе живого не было. Хотели, было, науку подключать, да тут Белая нарисовалась на твоё счастье. Повезло тебе, Ваня.

Уж она-то за тебя взялась серьезно. Днем и ночью возле тушки твоей дежурила, на каждый вздох реагировала. Шкуру на лице сшивала по кусочкам, да не абы как, а с предельной осторожностью. Руку тебе вправляла так, что ты орал дурниной. Переживала, но понимала, что иначе никак. Даже кормила тебя с ложки, как маленького.

Так что, Сокол, было у тебя в Зоне на тот момент аж целых два ангела-хранителя. Белая да десантник.

Сталкер задумчиво молчал, а отмычка нетерпеливо ждал продолжения.

– А что за дело у тебя было с бандосами? – не выдержав, спросил он.

Сокол пожал плечами.

– Кинул меня один хмырь на большой земле, да скрыться

надумал здесь, в Зоне. Не предполагал даже, что я его и тут достану.

– Достал?

– Достал, брат. Только ценой такой, что не стоило оно того совершенно. А что касается ангелов-хранителей, Дым, у меня их и сейчас двое, – хмыкнул Сокол, поднимаясь с табурета.

– Это кто ж у тебя вторым заделался? – полюбопытствовал Дым.

– Так Андрюха и есть второй.

– Так десантник наш того... Быть этого не может.

– Может, Дым. В Зоне все, что угодно может быть. А вот как именно оно может, я тебе потом расскажу, – хитро ухмыльнулся сталкер и, не прощаясь, вышел за дверь.

– Его и вправду так бандосы отделали? – некоторое время спустя спросил новичок.

– Они самые, – кивнул Дым. – Понимаешь теперь, почему некоторые люди хуже любой монстры?

– Понимаю, – угрюмо отозвался отмычка и уставился в одну точку, сосредоточенно изучая собственные мысли.

– А я ведь по его душу сюда приперся, – внезапно признался он.

– И что же? – полюбопытствовал Дым. – Разборки учинять задумал? Так это ты зря. Сокол наш тебе башку отстрелит и не поморщится. Или слепым псам скормит, дабы разнообразить скудный собачий рацион.

– Верю. И никаких разборок учинять не буду. Не хочу быть хуже животного, Дым. И он не хочет, потому за башку свою мне опасаться нечего. Поговорить мы с ним поговорим, но по-человечески. А потом я на большую землю вернусь. Если не сгину по пути случайно.

Отмычка вышел и вернулся лишь спустя пару часов.

– Пойду я, Дым, восвояси. Тут мне больше делать нечего.

– А на большой земле что скажешь? – любопытствовал бармен.

– Скажу, сгинул Ваня в Зоне. Пусть себе живет тут спокойно, негоже это – хорошего человека дергать.

– Не боишься, что желающие проверить найдутся?

– Как найдутся, так и переведутся, – хмыкнул парень. – Там, знаешь ли, мало охотников без особой нужды в Зону лезть.

Немного погодя вернулся и Сокол.

– Пообщались? – спросил Дым.

– Пообщались. Правильный оказался малый, даже бить не пришлось, – хмыкнул сталкер. – Сам все понял.

– Побольше бы таких понятливых, – проворчал Дым. – Ты мне про Андриюху-то расскажи, будь добр.

– Снится он мне, Дым, – после долгих размышлений поделился Сокол. – Советы дает небезынтересные, подсказывает иногда, куда лучше не соваться. Видать, даже с того света меня бережет Андриюха. А уж про Белую и говорить нечего. До сих пор связь держим исправно. Так что как было у меня

ангела-хранителя, так два и осталось.

– Повезло тебе, брат, – заметил Дым. – Сильно повезло, коли такие у тебя хранители. Значит, заслужил.

– Скажи еще, что Зона меня любит, коли таких хранителей отрядила, – хмыкнул сталкер.

– Любит, Ваня, любит. Можешь не сомневаться, – отозвался бармен.

Сокол с нескрываемым интересом покосился на бармена, но промолчал.

Художник

– Хохот, падла, ты кого приволок? – вполголоса прошипел

Дым.

– Художника, – с видом довольного жизнью мартовского кота ответил сталкер.

– Хуежника! – огрызнулся Дым. – Нам только юных дарований тут не хватало для полного счастья.

– Да ладно тебе, дядь. Ты чего так взъелся-то?

– Скажи мне честно, Леша, ты дебил? – пристально глядя Хохоту в глаза, поинтересовался бармен. – Этот твой художник хоть представляет, с какого конца за нож держаться? Про технические сложности вроде пистолета я вообще молчу. Столь заумные технологии возвышенному творческому разуму уж точно неподвластны. Прямо вот даже оскорбительны для ранимой природы. А уж мутанты, аномалии и прочие мародеры вообще где-то за гранью его тонкого восприятия должны быть.

– Чего сразу дебил-то? – возмутился Хохот.

– А того, что я тебя не узнаю. Вот если б ты его убил, обшмонал и цинично притащил мне его кишки в качестве трофея, я б не переживал совершенно. Вместо этого ты с довольной рожей притаскиваешь восторженное дарование сюда и считаешь, будто так и надо. Что он делать будет в Зоне?

С кровососов портреты рисовать или вдохновения искать в ближайшей «жарке»?

– Так, может, его к контролеру отправить? – хохотнул сталкер. – Вот вдохновения у парня будет. На всю оставшуюся хватит.

– Точно debil, – вздохнул Дым. – Смотреть за ним ты будешь? Сдохнет он тут, Леша. Не перенесет его возвышенная натура суровых реалий Зоны. Вся тонкая душевная организация в первой же передрыге рухнет.

Удивительно, как его военные на кордоне не грохнули?

– Не грохнули, – подтвердил Хохот. – Интересно им, видишь ли, стало.

– Не удивлюсь, если они втихую ставки делают, сколько он проживет и далеко ли успеет зайти, – проворчал Дым, рассматривая художника.

Тот же, в свою очередь, беспокойно вертел головой по сторонам, жадно изучая непривычную для себя обстановку.

– На твоей совести будет, Хохот.

– Да ничего ему не сделается, – отмахнулся сталкер. – Это он только с виду весь такой возвышенный, а на деле нормальный парень, не хуже прочих. Даже подготовка кое-какая имеется. И с головой у него нормально вроде, не совсем он от мира оторванный. Не помрет, если дурака валять не станет. Да если Зона иначе не решит.

– Дело хозяйское, – фыркнул Дым. – Труп его мне потом не приноси. Места за баром для таких не напасешься.

***

Весть о Художнике разлетелась по Зоне со скоростью кометы, и вот уже на протяжении полугода Дым регулярно выслушивал истории о его многочисленных похождениях.

– А ты говорил, сдохнет он! – распинался Хохот. – Дебилом обзывался зачем-то. Так гляди, живой наш Художник. Монстру по памяти рисует, да так реалистично, что от живой не отличишь. Выдел бы ты, Дым, как этот чудака рисует. Одним словом, талант. Да и приноровился он к местным порядкам быстро, аномалии распознавать и прочие опасности научился, знакомствами всякими нужными оброс.

– Не сглазь только, – пожал плечами Дым. – Коль живой, хорошо. Глядишь, нагуляется, на большую землю вернется. Выставку себе организует или еще чего.

– Да что ему сделается, – в который раз отмахнулся Хохот. – Художники, они ж, хоть и ранимые да впечатлительные, но живучие. Не хуже нас с тобой.

***

Хохот вернулся несколько недель спустя, мрачный, как небо перед самой грозой.

Молча поставил перед Дымом рюкзак.

Одного взгляда хватило, чтобы опознать рюкзак Худож-

ника.

– Там, во внешнем кармане, была записка. В случае чего все вещи передать тебе, – угрюмо объяснил сталкер, тяжело опускаясь на табурет.

Дым вздохнул и поставил перед Хохотом стакан. Выпили молча, не чокаясь.

– Давно? – спросил Дым.

– Четыре дня назад. У самой границы болота.

– Мутанты или...

– Или, Дым. – Хохот собрался с мыслями. – Я и сам не знаю, что это за «или» такое. Аномалий в том месте отродясь не было, я специально проверил. Мутанты бы разорвали и клочков не оставили, сам знаешь. Пришлось бы потом по всему болоту кишки собирать, если б хоть что-то осталось. Радиацию исключаем тоже. Художник наш успел себе костюмчиком разжиться. Костюмчик, кстати, я тоже проверил для очистки совести.

– Люди?

– Нет же, Дым! Ни огнестрелов, ни ножевых. Даже признаков отравления нет или следов удушения, представляешь? Вообще никак на насильственную не тянет... Комбез, снаряжение, оружие, все при нем и все в абсолютнейшем порядке. Даже противогаз, и тот нормальный.

Хохот замолк, словно ушел в себя. А Дым не торопил с рассказом, понимал.

– Знаешь, дядь, он улыбался.

– В смысле улыбался? – переспросил бармен.

– Встретиться мы должны были у болота. Там я его и нашел, – принялся рассказывать сталкер. – Лежит в траве, руки раскинул в стороны, рожа такая счастливая, будто смысл жизни внезапно нашел.

Ну, сам знаешь, говорили, он частенько так в траве валялся, всё в небо над Зоной пялился. Вроде как вдохновляло оно его. Говорил он что-то такое интересное про особенности здешней атмосферы, оттенки синего и серого и способы цветопередачи в живописи. Красиво говорил, умно, заслушаться можно было. И залипал временами на зоновское небо, будто гипнотизировало оно его.

Вот я и подумал, опять человек вдохновения ищет. А когда ближе подошел...

Хохот вздохнул и протянул Дыму пустой стакан.

– В общем, подошел я к нему тихонечко, хотел попинать в шутку. Глядь, а у него глаза как стеклянные уже. И улыбка эта... Будто самым счастливым человеком на земле помер. Словно до смерти его загипнотизировало небо над Зоной. Жутко мне от такого стало, честно говоря. Не видел я, чтобы в здравом уме люди так улыбались.

Прав ты оказался, Дым. Как чувствовал. Чуть больше полугода протянул наш Художник и кончился внезапно для всех. А как и от чего кончился, вопрос мутный.

Я вот, сам видишь, последнюю волю исполняю. Притащил шмотки его к тебе.

– Похоронил? – мрачно отозвался Дым.

– Обижаешь. Не оставлять же мутантам на съедение.

– Может, аномалия какая новая образовалась после Выброса?

– Но я-то живой, как видишь. Даже одним куском.

– Тоже верно, – задумчиво кивнул бармен.

***

Про рюкзак, ответственно принесенный Хохотом, Дым вспомнил лишь под вечер.

Помимо обычного для сталкеров барахла, в рюкзаке была аккуратно перевязанная бечевкой папка с просьбой доставить по указанному адресу в случае, если с владельцем что-то случится.

– Смотри-ка, знал ведь, куда шел. Подготовился, – проворчал Дым, раскрывая папку, и замер...

С первого же рисунка, мастерски выполненного простым карандашом, как живая, смотрела Динка...

Расскажи мне сказку

– Тебе тут медом намазано что ли? – ехидно поинтересовался Дым у стоящего на пороге Хохота. – Раньше почти не объявлялся, а теперь, можно сказать, за уши из бара не вытащишь.

– Все б тебе паясничать, – пробурчал сталкер, швыряя рюкзак в угол. – А я, может, понять хочу.

– Понять что?

– Правду, Дым. Про девчонку эту, Динку. Не просто ж так она тебя зацепила. Да так зацепила, что ты после смерти ее до сих пор места себе не находишь. Ты пойми, я ведь не слепой, вижу, как ты душу себе рвешь да к бутылке тянешься, пока не заметил никто.

Я, может, и скотина последняя, но не со всеми и не всегда. Так что рассказывай, что к чему.

– Дядь, а дядь, расскажи мне сказку, – горько усмехнулся Дым.

– Не тяни kota за всякое! – огрызнулся Хохот. – Я ей помочь хотел не меньше твоего, хоть и видел ее впервые в жизни.

– Ну, слушай, коли приперло, – вздохнул Дым и запер двери бара. – Только без лишних ушей обойдемся.

Я же, Леха, не всегда в баре сиднем сидел. Бывало, и сам

по Зоне мотался, ноги в задницу втаптывал. Благо был у меня тогда помощник надежный, Тёма. Хороший парень был, душевный. А бар тогда еще только обустроивался помаленьку.

Вот в одну из последних своих ходок я ее и нашел.

Возвращался уже, а она тут неподалеку в пролеске шарилась, как безумная. Поначалу-то я думал, может, монстра какая приبلудилась, стал выслеживать.

В овраг она забилась и караулила. Я только сунулся, а мне пистолет в рожу. И смотрит пристально так, будто зверек за-
травленный. А саму аж трясет всю. Ствол ходуном ходит, того и гляди, пристрелит не потому, что захочет, а потому, что сил не хватит с собой совладать.

Слух о том, что от бандитов девица сбежала, уже тогда по всей Зоне ходил. Ну, я и смекнул сразу, что к чему, да только не верилось поначалу. Больно маленькая была девчонка-то, ребенок еще совсем.

Долго мы с ней друг на друга тарацились, пока терпение мое не кончилось.

«Это ты что ли от бандитов сбежала?» – говорю.

«Обратно меня вернуть хочешь?» – спрашивает. «Учти, я стрелять буду».

«Да стреляй себе на здоровье. Только пожрать спокойно дай сначала. Нет у меня желания на пустой желудок помирать. А пока я тут трапезничать буду, можно и поговорить за жизнь нашу нелегкую», – говорю.

Гляжу, задумалась. Потом кивнула. Мол, валяй. А сама за пистолет держится, не опускает. Боится, стало быть, что нападут.

Я автомат положил аккуратненько да расположился поудобнее. А сам за ней наблюдаю, мало ли, что у нее на уме.

«Давно, – говорю, – шастаешь тут?».

Молчит.

«Сам вижу, что давно. Уж больно вид у тебя потрепанный. Голодная поди?».

Все равно молчит. А сама смотрит, как я консерву открываю, аж глаза заблестели. Она тощая была, кожа да кости.

Ну, я ж не совсем изверг какой. Открыл банку, да поставил на землю, а сам отошел подальше. Думаю, чего зазря душу человеку травить.

«Ешь, – говорю. – Нечего по оврагам голодной бродить. Разговаривать не хочешь, так никто не заставляет. А вот поесть – это дело нужное».

Сомневалась она поначалу, но недолго. Да только, как из оврага вылезла, так и рухнула. Сознание потеряла. С голодухи может, или от пережитых потрясений.

Дым помолчал, собираясь с мыслями.

– Я ее, Леха, на своих руках до бара нес, да диву давался. Живого места на ней не было, одни синяки и ссадины. И до того она исхудавшая была, что почти и не весила ничего.

Долго она лихорадила потом, брат. Бредила, кричала. А у меня сердце кровью обливалось. Я уж думал, так и по-

мрет, не очухавшись до конца. Тёму отправил искать Белую на подмогу. Понимал, что в одиночку не справлюсь с такой бедой. Тем более, с девчонкой. Тут, видишь ли, нужен был женский взгляд и подход соответствующий.

Долго мы ее выхаживали. Дежурили с Белой поочередно, глаз с Динки не спускали. К моменту, когда она в себя приходит начала понемногу, уже и забыли, что такое нормально жрать и спать, не до того было. Все внимание на девчонку. К счастью, такая воля к жизни в ней оказалась, что не всякому взрослому мужику дано.

Как лихорадить ее перестало, Белая к науке пошла, запасы свои медицинские пополнять. А я с девчонкой остался.

Она первое время совсем дикаркой себя вела. Забьется в угол и сидит там, молчит. Я ей поесть приносил, да в другой угол садился, рассказывал всякое, вопросы задавать пытался. Только она все больше слушала, а разговаривать не спешила.

С месяц, наверное, у нас с ней так продолжалось. Она молчит, я рассказываю. Потом уж отходить начала потихоньку, сама вопросы задавала, отвечала иногда. Боялась все, что я ее обратно к бандитам отправлю или, хуже того, сам руки распускать начну. Выспрашивала, чего я ее держу взаперти. Ну, а я объяснял, как мог, что для ее же безопасности. Чтoб не нашли. И что насильно ее держать никто не станет, когда она в норму придет. Так и успокоил.

А потом ей кошмары сниться начали. Бывало, кричит она

во сне, потом просыпается и ревет. А мне от ее криков всю душу выворачивает.

В один момент не сдержался, сгреб ее в охапку, прижал к себе, как дочь родную, а она в меня вцепилась ручонками своими и держится крепко так. И говорит, говорит. А мне от ее рассказа не по себе делается...

Долго она тогда ревела, страшно ей было. Так я с ней и просидел полночи, еле успокоил.

А когда спать укладываться стал, она мне в руку вцепилась и говорит: «Дядь Дым, расскажи мне сказку».

Вот тогда-то, Леха, у меня все внутри перевернулось окончательно. Понял я, что глотку перегрызу любому, кто ее тронуть посмеет. Как родная она мне стала.

С того момента Дина оживать начала. Гуляли мы с ней по окрестностям в сумерках, чтоб лишней раз никому на глаза не попадаться. И стал я за ней странности замечать. Бывало, остановится она и прислушивается как будто. А после рассказывает мне, где какой мутант околачивается.

Поначалу-то я не особо верил. Думал, что-то у ней в голове не в порядке, чудится ей всякое. До тех пор так думал, пока она кровососа от бара не отвалила без всякого оружия. Просто вышла к нему навстречу и смотрит. Словно безмолвный диалог у них.

Уж не знаю, как так вышло, да только вот оказалось, что она действительно всякую монстру чувствует и договариваться с ними может.

Потом она и вовсе на болота перебралась. Не понимал я сначала, что ей там приглянулось. Можно подумать, другого места в Зоне не было. Тем более, с такой охраной из мутантов. И только потом дошло до меня, что она после жизни у бандитов замкнутого пространства бояться стала.

Я, конечно, уговаривал оставаться в баре, скрипел зубами. Да только сам же и обещал, что никто насильно держать не будет. Пришлось отпустить. Ну, а дальше ты сам знаешь, да и рассказчик из меня сегодня хреновый.

– Ну дела... – протянул Хохот.

– Ты ж хотел правду, вот тебе правда, – проворчал Дым. – Теперь понимаешь, почему я тебя просил мне мразь, которая Динку застрелила, хоть из-под земли достать?

Хохот кивнул.

– Вот и ищи, Леша. Иначе я сам искать пойду. А тогда уж не обессудьте, всю Зону переверну. Да так, что мало никому не покажется. Из каждого встречного-поперечного душу живьем вытрясу.

– Не геройствуй, Дым. Я сам искать буду, а ты информацию собирай, авось кто проболтается по пьяному делу или хоть какую наводку даст. Глядишь, так у нас с тобой быстрее и надежнее получится.

Помолчали. Подумали каждый о своем.

– А теперь, – нарушил тишину Дым, – дядя Хохот, ты расскажи мне сказку...

Расскажи мне сказку. Часть 2

В первое мгновение Хохоту показалось, будто Дым сошел с ума.

– Какую тебе, на хрен, сказку, Дым? Ты с ума сошел что ли?

– Интересную, Леша, – ехидно ответил Дым. – Про то, какой твой интерес. И про Художника заодно.

– Есть у меня интерес, да не твоего ума дело! – рявкнул сталкер.

– Хохот, я тебя пристрелю и закопаю. И скажу, что так и было, – ласково пообещал Дым. – Я, видишь ли, желаю знать, с кем имею дело. Из бара не выйдешь до тех пор, пока не расскажешь.

Хохот тяжело вздохнул.

– Падла ты, Дым, каких поискать. Всю душу вытрясешь ведь. Но, коли так, слушай.

– Я ж до Зоны нормальным человеком был, Дым. Армия, институт, работа. В десанте служил, образование имею инженерное. По молодости балагурил, конечно, куда ж без этого. Но быстро за ум взялся и разгульный свой образ жизни прекратил.

Семья у меня была, дети. Жена красавица, сын старшой, да дочка младшенькая. Любил я их, Дым, души в них не ча-

ял. Нардоваться никак не мог, что меня жизнь таким счастьем наградила непонятно, за какие заслуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.